

УДК 821.161.1.

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ДИАЛОГОВ В.Г. РАСПУТИНА

© 2013 г.

С.В. Власов

Московский педагогический госуниверситет

letterforvlasov@gmail.com

Поступила в редакцию 13.08.2012

На материале книги В.Г. Распутина «Эти двадцать убийственных лет» (2012) рассмотрены генезис, содержательная специфика и поэтика диалогов писателя-публициста Распутина и журналиста В.С. Кожемяко. Анализируются классическая традиция, идущая от Платона, Цицерона; субъектная организация повествования, заголовочно-финальный комплекс, антитеза как композиционный прием диалогов.

Ключевые слова: В.Г. Распутин, диалог прозаический, заголовочно-финальный комплекс, мн-повествователь, Платон, повествование, Цицерон.

На обложке книги В.Г. Распутина «Эти двадцать убийственных лет» (2012) есть подзаголовок, отсутствующий в выходных данных книги, – «Беседы с Виктором Кожемяко». Композиционно книга строится в виде «вопрос – ответ»: вопрос В.С. Кожемяко с пространными комментариями и изложением своего отношения к вопросу – ответ В.Г. Распутина. Объем текста каждого из ответов значительно превосходит вопрос. По сути, перед нами диалоги, расположенные хронологически, композиционно разделенные на главы (в содержании 6 глав с подглавками, всё – главы и подглавки – имеет заглавие).

И содержание книги «Эти убийственные двадцать лет», и внешние композиционные черты убеждают, что перед нами произведение, написанное в классическом жанре *прозаического диалога* [1]. «В диалогическом жанре ведущую роль играет установка на силу и убедительность высказывания, на полноту и многообразие развития темы» [2, с. 57]. Возникновение этого жанра теоретики и историки литературы относят к временам Древней Греции; у прозаического диалога были свои предшественники: «спиры» и «состязания». Прозаический диалог сложился в литературный жанр в школе Сократа. Ученики Сократа видели в общении учителя с ними – в форме вопросов и ответов или беседы – особенность методики учителя. Они стали записывать эти беседы, создавать свои произведения, композиционно представляющие диалоги, главным участником которых был Сократ. Среди учеников Сократа был Платон. В диалогах Платона присутствуют портретные характеристики участников (диалоги назывались по имени собеседника), как правило, исторических лиц. По признанию антикове-

дов, Платон создал художественный образ своего учителя – Сократа: иронический мудрец, ниспровергатель авторитетов, катализатор мыслей и идей [2, с. 58]. «Сами же древние утверждали, что Платон первый употребил в рассуждениях вопросы и ответы, первый ввел термин “диалектика” и аналитический способ исследования» [3, с. 132–133].

Конечно, диалоги Платона и диалоги «Распутин – Кожемяко» далеко не одно и то же. В древних диалогах чаще всего состязаются идейные противники, это настоящий агон (борьба). В диалогах «Распутин – Кожемяко» участвуют единомышленники, это не борьба двух собеседников. Их идейный противник, скорее, вовне, он многолик и представлен реальными участниками российской публичной политической и культурной жизни, множество имен которых мы видим в книге. Ряд фамилий Распутин обобщает, превращая в собирательный образ врага России, например, «Чубайсы и Гайдары» [4, с. 108, 112], или прописывает со строчной буквы, таким образом не только обобщая, но и снижая образ: «киселевы, доренки, сванидзе» [4, с. 65, 80].

Но очевиден сам факт отталкивания от классической традиции при рождении книги Распутина и Кожемяко. Драматический модус, характерный для диалогов Платона, ощутим и в диалогах Распутина – Кожемяко. Это драматизм идей, убеждений, отстаиваемых противоборствующими сторонами (у Платона) или единомышленниками (у Распутина). В «Апологии» Платона нет собственно диалогической формы, там есть диалогический драматизм: Сократ сражается со злобой и клеветой – это его монолог. У Распутина ряд ответов в диалогах Распутин – Кожемяко также превращается в монологи. Например: «Я

хорошо помню из детства, как собирались в нашей деревне воскресники или пособи для какого-то общего дела – русскую печь бить из глины или стены возводить. Это была работа, которую нужно было закончить за день, обыденком, – и, Господи! – какое же это было счастливое возбуждение, какие азарт, веселье, какое чудесное преобразование лиц и душ! Я несколько не преувеличиваю, люди моего поколения родом из глубинки подтвердят» и далее [4, с. 108–109].

А вот «Пир» Платона – это как раз диалоги «единомышленников, добывающихся общими усилиями определения высшего Блага» [3, с. 133]. Диалоги Распутина – Кожемяко можно поставить в один типологический ряд с «Пиром» Платона. Единомышленники В.С. Кожемяко и В.Г. Распутин могут рассуждать о частностях по-разному, иметь разное мнение. Так, Кожемяко в своем вопросе к Распутину ясно демонстрирует согласие с мнением Ф. Кузнецова: «...горько прав Феликс Феодосьевич Кузнецов, директор Института мировой литературы имени А.М. Горького, от которого я недавно услышал: для многих телевидение заменяет ныне церковь. Неадекватная замена, но, увы, факт есть факт» [4, с. 80]. Единомышленник Распутин думает иначе: «...не могу с этим вполне согласиться. <...> ...Если даже от телевизора заметно не отбывает, в церковь все равно заметно прибывает. А уж где святость и где срамота, люди разберутся» [4, с. 81–82]. «*Больной вопрос сегодня – молодежь... Как вы считаете, насколько глубоко она отравлена?*» – спрашивает Кожемяко, однозначно формулируя свою позицию. «У меня впечатление, что молодежь-то как раз не “вышла” из России. <...> Из встреч с молодежью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы... что все заметней они в библиотеках» [4, с. 59–60]. Таким образом, единомыслие не значит единообразие. Из разных точек зрения, разных «наблюдательных пунктов» складывается картина, близкая к объективной.

Если говорить об ораторском аспекте книги Распутина, то в ней прослеживаются традиции Цицерона, речи которого, как известно, были классическим образцом ораторского искусства. Он нарисовал идеал оратора, за которым может пойти народ. Идеальный оратор – это тот, кто владеет всей суммой знаний, нужных государственному деятелю: философией, правом, историей, литературой, психологией. Это человек высоких нравственных качеств, он никогда не воспользуется могучим оружием красноречия в своих корыстных целях. По мнению Цицерона, оратор должен поднять любой частный вопрос до

уровня общих принципов. Перед оратором, по Цицерону, стоят три задачи: 1) доказать свои положения; 2) доставить слушателям наслаждение; 3) воздействовать на их волю и заставить принять предлагаемое решение. Для первой задачи нужен стиль спокойный, для второй – изящный, для третьей – патетический, взволнованный.

«Кому, например, неизвестно, что сила оратора всего больше обнаруживается в умении возбуждать в слушателях гнев, ненависть или скорбь и от этих эффектов склонять их обратно к мягкости и милосердию? А если кто вполне не проник в души человеческие в их своеобразии по личностям, не постиг тех причин, благодаря которым люди возбуждаются или снова успокаиваются, тот своей речью не сможет достигнуть желаемой цели. <...> ...Неотъемлемая сторона оратора, т. е. речь веская, изящная, приуроченная к понятиям слушателей и их образу мыслей» [5, с. 225]. Мы можем отметить, что из этого Цицероновского назидания-наставления Распутин – сознательно или нет, скорее всего, сработала энергия жанра, *прозаического диалога*, – верно усвоил тональность, в которой необходимо вещать: «возбуждать в слушателях гнев, ненависть или скорбь», дабы «склонять их к мягкости и милосердию»: «...все равно мы держались и держимся вместе. Так мы воспитаны. “Тысячелетняя раба”, по аттестации врагов России, и в самом деле, как мать, раба детей своих, нашей неразрывности. Соболезнование, сострадание – это взять на себя часть боли и страдания другого, спасти его от разрыва сердца» [4, с. 194].

В главе «Оратор и актер» из трактата «Об ораторе» Цицерон пишет: «Не может быть, чтобы слушатель скорбел, ненавидел, ощущал недоброжелательство, страх, чтобы он был доведен до плача и сострадания, если все эти душевные движения, которые оратор желает вызвать у судьи, не будут казаться запечатленными и ясно *выраженными у самого оратора*» (курсив наш. – С.В.) [5, с. 227–228]. И здесь сработали законы жанра, по Цицерону, – личность Распутина-повествователя предстает в контексте диалогов страстной, убежденной, непримиримой: «Половина зрителей выходит после спектакля из зала с мокрыми глазами, не стыдясь слез... да, мы унижены и оскорблены, но мы счастливее вас, творящих зло» [4, с. 121].

Ораторская речь – для достижения должного эффекта – должна иметь свой ритм, считал Цицерон. Наиболее продуктивным приемом для создания ритма в прозаической речи издревле являлась антитеза, заложенная в композиции текста: у нас – у вас, у них – у нас и т. д. На антитезе построены речи в диалогах Распутин – Кожемяко: «мы» – «они», «наши» – «не наши»,

«свой» – «чужой», «раньше» – «ныне», «Россия» – «Запад», «народ» – «власть», «народ» – «население», «нищие» – «богатые» – в общем и целом, а вот частные примеры:

«Когда разойдется и разрастется свое, святое, ему легче будет противостоять грязи и сраму, которые обрушились на народ. Бесы делают свое дело, а мы будем делать свое – на том уровне, где живет народная душа» [4, с. 20];

«Особенность нашего времени в том, что сейчас сытый голодного не просто не понимает, а ненавидит. То же самое: неправый ненавидит правого лишь за то, что тот прав, а он с правдой не в ладу, живет и рассчитывает жить по другим законам» [4, с. 24];

«...Мы имеем в виду не того читателя, который питается нечистотами, – там ничего, никаких отношений с кем-либо, кроме физиологических испражнений, ждать не приходится. Мы говорим о читателе здоровых правил и здорового вкуса» [4, с. 35–36];

«Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, – купилось; все, что могло предавать, – предало; все, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, – согласилось; все, что могло пресмыкаться, – пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст. Ее, эту коренную породу, я называю “второй” Россией в отличие от “первой”, принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами – поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними – одно только “Поле чудес”» [4, с. 49–50].

Сопоставим фрагменты выступлений Цицерона и Распутина:

Цицерон

«Когда же, наконец, перестанешь ты, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?! Где предел необузданных дерзостей твоих выступлений?!» [6, с. 212].

Распутин

«Нужно прежде всего спасти Россию... [4, с. 27].

Восполнимы ли эти утраты? Конечно, невосполнимы» [4, с. 38].

Цицерон

«Ужас и отвращение к тебе питает наша общая мать – родина, давно уже свылклась она с мыслью, что ты только и мечтаешь о ее гибели...» [6, с. 213].

Распутин

«Но что же делать? Ведь мы не можем не замечать, с каким рвением исчужают Россию, и она отчаливает от родных берегов все дальше» [4, с. 214].

«Повалили Отечество и, как хищники, набросились на него...» [4, с. 58].

Из вышеприведенного сопоставления очевиден пафос, интуитивно воспринятый Распутиным из древних классических образцов, дабы воздействовать на волю тех, кто желает его услышать, и заставить принять решение.

Публицист В.С. Кожемяко и писатель В.Г. Распутин – оба авторы этой книги. Кому принадлежит построение самой книги, расположение материала, деление его на главы и подглавки, авторство заголовков – сказать сложно. «...Важнейшим является авторство заголовка (дано ли оно самим автором или издателем, составителем, комментатором и т. п.)» [7, с. 74]. Но так как в выходных данных В.Г. Распутин обозначен как автор, то мы будем идти традиционным путем, т. е. видеть в композиции книги волю автора – Распутина.

Заголовки глав и подглавок – составная часть повествовательного дискурса. «Некоторые ученые, приверженцы порождающей семантики... считают, что глубинная структура текста выявляется в отношении, существующем между названием и основным корпусом текста. Эти отношения весьма разнообразны. В некоторых произведениях заголовки лишь называют проблему, решение которой дается в тексте. В других – название как бы тезис самого корпуса текста. <...> ...Оно обладает способностью... ограничивать текст и наделять его завершенностью» [8, с. 133–134]. Заглавия в сочетании с финальными фразами текстового сегмента образуют заголовочно-финальный комплекс (ЗФК), несущий порой в сжатом, спрессованном виде главную мысль всего текста, так как начало и финал – наиболее сильные и заметные позиции текста. Мы сделали свод заголовков и финальных фраз подглавок за период с 2000 по 2010 год, перед нами, таким образом, наглядно предстала в хронологическом порядке картина ЗФК. На наш взгляд, получившаяся картина ЗФК иллюстрирует темы, проблемы, пафос публициста Распутина, мировоззрение, пристрастия, кредо В.Г. Распутина как личности. Диалоги, происходившие в течение одиннадцати лет, выявляют личность убежденного патриота, гражданина России, озобоченного всеми ее проблемами.

Из 47 заголовков 19 – вопросительные предложения; 2 – обращения (к Доле русской; к бабюшке Байкалу); 8 – утверждение, диагноз, вердикт (остальные заголовки – или номинативные предложения, или традиционные сообщения «о...», или намек и др.). Мы особо выделили три группы заголовков, так как они транслируют экзистенциальное беспокойство, порой безвыходность, граничащую с апокалипсисом. Но финальные слова большинства подглавок все-

Год	Заголовки	Финальные слова
2000	Рубеж года или все-таки надежды?	Я не сомневаюсь в том, что наша возьмет, но хотелось бы – побыстрее [4, с. 91].
2001	Доля ты русская...	Эх, воли бы твердой, воли бы побольше, сплоченности, зрячести и трезвения! Чтобы не было этого: нас раздирают, а мы набрасываемся друг на друга [4, с. 110].
2002	Предвестие Апокалипсиса?	Но нам пора осознать, что российское течение событий – больше нашего личного дела... [4, с. 112].
2002	Отстоим ли родную землю?	Вот в это я верю! Хочу верить [4, с. 115].
2002	И дальше будут нас разъединять?	И все-таки не оставляющая надежду [картина], что спасение тут, в нем, в народе нашем, в его выносливости и здравом уме [4, с. 127].
2003	Нам нельзя без сострадания и справедливости	За нами Россия – не пропадем! [4, с. 137].
2003	Слышит ли власть и почему молчит народ?	Они – последние ряды сопротивления, но последние-то и самые стойкие, им отступать некуда [4, с. 148].
2005	Исчужили Россию	У нас и детей сейчас воспитывают в школах, как янычар: чтобы они презирали родное и шли за чужое в огонь и воду. А вы спрашиваете о консолидации... [4, с. 173].
2007	Забывать о безопасности?	А ведь это было последнее спасение [4, с. 201].
2007	Сбережение для растления образовывать не может	...поживем – увидим [4, с. 205].
2007	Почему не поется сегодня?	...песня – душа народа. Но если сегодняшние «мани, мани» считать за душу... <...> лечь в могилу рядом с нашими предками [4, с. 215].
2010	Между жизнью и смертью	Спасиесь – это все-таки по большей части верующие [4, с. 261].
2010	Кому власть служит?	...«Аврору» осквернили, совесть и стыд публично оплевали – и ничего! ...чтобы страна не скучала [4, с. 266].
2010	Потери в культуре невосполнимые	...думаю, лучше позже, чем никогда [4, с. 273].
2010	Горюшко ты наше, батюшка Байкал	Нет, не олигархам спасать Байкал... А подниматься на защиту его опять придется народу! [4, с. 280].
2010	Разберемся, кто есть эти «они» и какие	...не лезьте в душу народную. Она вам не подвластна. Пора бы это понять [4, с. 291].

таки оптимистичные, жизнеутверждающие, обнадеживающие: Распутин верит в народ, его силы, в Россию. Так, несмотря на «чужой курс и чуждые ноты», писатель Станислав Куняев у Распутина – «безунывный патриот-боец»; с надеждой звучат финалы: «и все-таки надо стоять», «лучше позже, чем никогда» и другие. (См. фрагмент нашего свода-таблицы).

Заголовочно-финальный комплекс, «расшифрованный» в таблице, являет собой срез картины художественного мира Распутина: здесь его писательское пространство – Россия; его родной ландшафт – Ангара, Байкал; система персонажей: богатые – бедные, олигархи – простой народ; персонифицированные «они», «враги», «чужаки», «не наши» (в стиле и лексике Распутина): Прохоров, Швыдкой, М. Галкин; авторитетные для Распутина деятели культуры и литературы: Ф.М. Достоевский, С. Куняев, Т. Доронина; лексика «боя», «войны»: *оккупация, потери, спасти, уничтожить, победить, отстоять, жертвы, грабить* и др. И эта лексика неслучайна, ведь публицистика – «всегда (скрытая или явная) политическая, религиозная или философская *борьба...*» (курсив наш. – С.В.) [9, с. 313].

По аналогии с формулой «Ich-Erzählung» (повествование/рассказ от первого лица единственного числа) мы предлагаем формулу, наиболее адекватно отражающую субъектную организацию повествования в публицистике В.Г. Распутина, – «Мы-повествователь» (точнее было бы, возможно, также прописать эту формулу по-немецки как Wir-Erzählung, но в этом, думается, нет необходимости). Итак, способ субъектной организации текста, наиболее частотный в публицистике Распутина, – это повествование от первого лица множественного числа. Не Я, а Мы, – утверждает Распутин, формулируя истоки своего Мы так: «Индивидуализм – психология западного человека, она выстраивалась долгое время и создала вокруг себя особый мир, служащий ей особой верой и особой правдой. Не будем сейчас его обсуждать, пусть считается, что он хорош там, на его родине, но нам эта психология не может быть полезной, ибо мы устроены по-иному» [4, с. 109]. Скорее всего, в Распутине-патриоте особо заострен и стойко хранится в памяти, в унаследованном от предков коде поведения общинный дух древнерусского быта. В середине XIX в. на страницах славянофильской прессы, в частности газеты «Молва», как раз деклариро-

валось основное проявление народности, русскости – это община. Община объявлялась высшим нравственным идеалом, в газете рассказывалось об артелях, складчинах. А на страницах «Русской беседы» было сказано, что «славянское племя отличается от других особенностями общинного быта» [10, с. 74–75]. Почти слово в слово – как и объяснил Распутин: «Россия славилась всегда своей общинностью, дружинностью, духом коллективизма, в ней извечно было важнее: мы. Оно приводило к победам на ратных полях и спасало при затяжных несчастьях. На “мы” стояли монастыри, сельские миры, рабочие коммуны, земские сходы, из них состояло ополчение. <...> “МЫ” – миром все перебором» [4, с. 108]. Говоря «мы», Распутин невольно предлагает читателю/слушателю взглянуть на мир его глазами, встать на его точку зрения, но при этом выработать свой собственный взгляд на текущие события.

Расчленять весь текст для иллюстрации подобной формы повествования нет ни надобности, ни возможности, мы ограничимся несколькими примерами: «У нас не так много опор, на которые мы можем без опасения рассчитывать в своем воскресении...» [4, с. 88]; «...мы вольны обниматься с кем угодно, но не с врагами России...» [4, с. 90]; «Мы настолько привыкли, что у нас есть Вадим Валерианович Кожин...» (курсив в абзаце наш. – С.В.) [4, с. 102].

Русская сказовая традиция художественных (не публицистических) текстов (что равнозначно повествованию по формуле «Ich-Erzählung») является национальной формой, как и сам сказ, где персонифицированный рассказчик – фигура весьма любопытная, намеренно сниженная по культурному, образовательному уровню по сравнению с личностью реального автора. Лесковские субъекты повествования – наиболее яркие образцы сказовых рассказчиков. Распутин же, почвенник по сути, органике и «призванию», манкирует этой национальной традицией именно в публицистике: редко можно столкнуться с предложением в распутинском публицистическом повествовании, где присутствует местоимение «я» (тем не менее встречается, например: «Я не сомневаюсь в том, что наша возьмет...» [4, с. 91]). Думается, это сознательная установка, продиктованная той ролью писателя в обществе, которая долгое время господствовала в русской литературе: учитель, нравственный ориентир, «колокол на башне вечевой», пророк. Впоследствии эта установка превратилась в органическую личностную характеристику писателя и человека Валентина Григорьевича Распутина. Это его социальная роль. Он оратор, ритор, Учитель, а в риторике «мы» – прием единения с народом. В.Г. Распутин несет в се-

бе чувство ответственности за все происходящее в России: его волнует судьба Байкала, русского языка, телевизионных передач, школьных экзаменов по литературе и многое другое.

В публицистическом тексте «я» или «мы», как правило, знак авторского присутствия, которое необходимо для общения с предполагаемым читателем.

Распутинское «мы» не застывшая форма, она по мере нарастания эмоционального градуса в монологично-диалогичном повествовании эволюционирует: от собственно «мы» как традиционной этической формы – в единение со «своими», не со всеми, а с теми читателями, которых Распутин считает «нашими», «не чужаками», простыми русскими людьми, которым дорога Россия (в лексике Распутина). Аналогично рассуждает исследователь А.М. Штейнгольд относительно субъектной организации статей Белинского: «...Белинский говорит “мы” о самом себе как авторе статьи, о человеке, переносящем на бумагу свой замысел, знакомя с ним читателей. Однако там, где критик говорит о влиянии Пушкина на развитие русской культуры, “мы” Белинского расширяется до пределов всей русской читающей публики. Личность самого критика испытывает то же воздействие, что и личность любого русского человека, его “я” вливается в понятие “мы”, равное “мы, русские”» [11, с. 132]. В «мы» критического текста и в «мы» публицистического много общего, так как оба поднимают вопросы этические (хвала, обвинение и проч.), да и критика по своей природе публицистична. Поэтому слова Белинского, на наш взгляд, отражают позицию Распутина, в которой ощутима связь со взглядами русских мыслителей, с литературной и публицистической традицией, а также миссия писателя – учительская, пророческая, которую Распутин декларирует как в диалогах, так и в других жанрах публицистического дискурса (выступлениях, открытых письмах, эссе, очерках).

Список литературы

1. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. 358 с.
2. Шкаренков П.П. Диалог прозаический // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М., 2008. С. 57–58.
3. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон: Жизнеописание. М.: Детская литература, 1977. 224 с.
4. Распутин В.Г. Эти двадцать убийственных лет. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
5. Цицерон М.Т. Об ораторе / Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева // Римская литература: Хрестоматия по античной литературе. М., 1965. С. 224–231.

6. Цицерон М.Т. Первая речь против Катилины / Н.Ф. Дератани, Н.А. Тимофеева. Римская литература: Хрестоматия по античной литературе. М., 1965. С. 212–214.
7. Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 73–74.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
9. Дедков И.А. Публицистика // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987. С. 313.
10. Рейфман П.С. К истории славянской журналистики (статья третья) // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение: Учен. записки Тарт. гос. ун-та / Отв. ред. Ю.М. Лотман. Тарту, 1981. С. 73–85.
11. Штейнгольд А.М. Сюжет в критической статье (к постановке проблемы) // Сюжет и художественная система: Межвуз. сб. науч. тр. Даугавпилс, 1983. С. 126–135.

FEATURES OF PUBLICISTIC DIALOGUE IN V.G. RASPUTIN'S WORK

S.V. Vlasov

The genesis and the particularity of dialogues of writer-publicist Rasputin and journalist V.S. Kozhemyako are studied on the basis of the book of V.G. Rasputin «These murderous twenty years» (2012). Based on this book, the classical tradition going from Plato and Cicero is examined, as well as subjective organization of the narrative, header and final complex, antithesis as a rhythmic form of dialogues.

Keywords: V.G. Rasputin, prosaic conversation, header and final complex, we-are-narrator, Plato, narrative, Cicero.